

Глава 1

Серезжа

Ольга Сергеевна сегодня какая-то бешеная, загоняла нас так, что ноги в отказ просто. Рук не чувствую, как завтра на тренировку приходиться — вообще не представляю. Мышцы все забиты, даже бутылку с водой поднять и то тяжко. Вроде мелкая и одна на целую толпу мужиков, а справляется на раз-два. Все выдохлись, сидят как неживые.

Откидываюсь спиной на стену и закрываю глаза. В раздевалке тишина, и правда все упахались, никто не ржет, даже Сава, главный наш клоун, шутики не шутит. Леха только бубнит снова что-то, что ему Сергеевна наша нравится, но я даже не хочу открывать глаза и смотреть на реакцию Тохи — тот тоже к ней явно неровно дышит и сильно к Лехе ревнует ее...

Кажется, что отключаюсь на пару минут, и прихожу в себя только от громкого голоса Егора, который заходит в раздевалку. Капитан наш, Колосов.

— Мужики, у Аленки мазь с ментолом, если надо кому — шуруйте, спасет мышцы, легче жить станет.

Почти все, кто еще остался и не ушел домой, встают с лавок и идут к Алене. Она у нас медсестрой

работает, помощником врача командного. Ей восемнадцать стукнет только через пару месяцев, а тут на практике от колледжа, опыта набирается. Аленушка мы ее называем, точно из сказки сбежала. Коса через плечо и толпа козленочков рядом.

А я сижу. Не хочу идти сейчас. Там полно мужиков, все за спасением к Аленке пошли, пусть разойдутся, а потом и я зайду.

В «Фениксе» я полгода всего, выкупили из другой команды. А Алена на месяц меньше работает. Я только-только себя на своем месте ощущать стал, когда она тут объявилась. На практику именно сюда прислали, потому что тут-то вечно у кого-нибудь то ушибы, то травмы, точно без опыта не останется.

В общем, знакомы мы с ней около пяти месяцев. И все это время я от нее без ума.

Потому что она невероятная.

Светлая, улыбчивая, нежная очень, тоненькая такая, что, кажется, можно талию пальцами обхватить без усилий. Она никогда не говорит ничего плохого и всегда вежливо отвечает на вопросы, а еще смешно краснеет. Волосы длиннющие, пальцы тонкие, глаза зеленые. Ну точно со страниц сказки сбежала.

А еще у нее невероятно милые ямочки на щеках.

Втрескался я в нее, а духу признаться не хватает. Сложно мне с этим. Почти вся команда — уверенные в себе парни, некоторые даже с перебором, а мне как раз не хватает этого. Хожу люблюсь ею, мечтаю признаться и услышать такое же признание в ответ, но сам ничего для этого не делаю. Умом понимаю, а исправить ничего не могу.

Несудьба

Меня в команде уже все подкалывают, что я и с поводом и без повода в медпункт хожу, только бы Алёну увидеть. Я отмахиваюсь, конечно, ничего не отвечаю им, но, честно признаться, я реально так делаю. За пять месяцев на эту тему я слышал примерно миллион шуток и столько же пародий, но пацаны все по-доброму шутят, поэтому просто смеюсь вместе с ними и понимаю, что они абсолютно правы. Я просто хожу вокруг нее, а сделать или сказать ничего не могу.

Я с бабушкой рос, в деревне, у меня сложновато с самовыражением и верой в себя из-за этого. Там не до самовыражения было, не до знакомств и общения. И если бы на хоккей не ходил, вообще не знаю, каким вырос бы. Так хоть социализировался.

Мне кажется, если я признаюсь Алёне в симпатии, она у виска пальцем покрутит и посмеется надо мной. А потом дверь в кабинет запрет и попросит никогда к ней не приближаться. Она красивая, милая, зачем ей такой, как я? Который даже в чувствах признаться не может.

Короче, парит меня, что она может меня послать и разойдемся мы как в море корабли. А так я могу хотя бы просто наслаждаться ее обществом, дружить с ней, общаться, быть рядом хоть иногда. Несмотря на то, что мое «рядом» ограничивается или ложно растянутой поясницей, или еще чем-то, что срочно нуждается в профессиональной помощи Алёны.

Сложно, короче.

Хватаю сумку с формой, иду к выходу прямо по коридору метров семь и останавливаюсь у двери медпункта. Врача там наверняка нет, он давно

перекинул все обязанности на Аленку, а сам появляется только на играх для галочки, ну и для срочной помощи, если кому требуется. Поэтому жду, пока вся команда по очереди вывалится из кабинета, и после смешка Савы в мою сторону захожу самым последним.

Красивая. Сидит за столом, пишет что-то. В халате, а волосы в косе, которую она всегда носит. Они длинные очень, до бедер достают, золотистые прямо.

Не девочка, а мечта.

Вот и мечтаю.

— Привет, — говорит негромко, заметив меня, и запрокидывает за ухо выпавшие из прически пряди. Залипаю на этом движении и нагло ворую еще парочку. Смотрю, как кладет на стол ручку и придерживает ту, когда она укатывается. Ловлю взглядом крошечную родинку над левой бровью. — Ты тоже за мазью?

— Да, если еще осталось, — очухиваюсь, киваю и прохожу внутрь, закрывая за собой дверь и усаживаясь на кушетку. — Плечи вообще смерть, руки не могу поднять даже. — В этот раз даже не вру, мы все сегодня еле живые.

— Снимай футболку, — говорит негромко, подходя к шкафчику с препаратами, — я намажу и разомну, завтра почти не будут болеть.

Аленка грустная, в глаза не смотрит, хотя обычно всегда улыбается мне и порой даже мило смущается. А сейчас хмурая, без настроения, как будто случилось что-то. И спросить хочется, а, с другой стороны, выслушивать, что я лезу не в свое дело, — так себе перспектива...

Снимаю футболку, как она и велела, и присаживаюсь на кушетку спиной к Аленке. Я не могу похвататься горой мышц и кубиками, как другие мужики в команде. Я не слишком крупный сам по себе, суховат. Поэтому даже не надеюсь, что Аленка может мною любоваться. Было бы чем, я бы перед ней без футболки только и ходил.

Холодная мазь касается плеч, от этого мурашки бегут, но теплые и мягкие руки Алены убирают весь дискомфорт. Она невероятная... Скользит по уставшим и забитым мышцам аккуратно, почти не причиняя боли, а мне в ближайшую вечность не хочется это прекращать.

— Не больно? — спрашивает негромко, надавливая чуть сильнее. Больновато теперь, но я так улетаю в какую-то свою Вселенную от касаний Алены, что буквально могу только промычать что-то нечленораздельное в ответ и продолжить наслаждаться массажем. Слишком остро. Боль от забитых мышц сплетается с удовольствием от касаний Алены и создает какой-то взрывоопасный коктейль.

Массаж заканчивается слишком резко, мне не хватает еще примерно лет сто, чтобы насладиться сполна. На часы смотрю и понимаю, что минут семь точно вот так кайфовал, но уплыл от рук Аленки, и все пролетело как один миг.

Она протирает остатки мази салфетками, чтобы я не испачкал футболку. Осторожно, вдумчиво, никуда не спеша. И за стол к себе не уходит, так и стоит рядом.

Быстро надеваю футболку, с удовольствием отметив, что рукам действительно уже стало легче,

и поворачиваюсь к Алене лицом. Невозможно быть такой красивой. Чувствую себя каким-то идиотом, но я готов просто любоваться ею сутками, без лишних слов и мыслей.

Но что-то не так. Я чувствую, что что-то не так. У нее в глазах пустота, она трогает кончиками пальцев носу нервно, словно хочет что-то сказать или сделать, но не решается.

Смотрит прямо на меня, и впервые хочется решиться, послать все к черту и прижаться к ее губам. Поцеловать, обнять, рассказать, что ночами спать не могу — только о ней думаю.

Все парни в команде говорят, что Алена давно поняла, что я в нее влюблен, потому что это не заметит только слепой. Я не знаю, правда ли это, но сейчас мне как никогда хочется поверить в то, что она и правда все знает. А значит, если поцелую, удивиться не должна особо.

Я набираю полную грудь воздуха, собираюсь сказать ей правду. Откуда-то вдруг появляется смелость, готов выдать ей в эту секунду все, что на душе. А потом поцеловать, как мечтал.

Но она меня опережает. Выдает автоматной очередью те слова, которые я не готов был слышать никогда в этой жизни:

— Я уезжаю...

— Куда? — спрашиваю сразу как идиот. Ничего умнее не могу придумать.

— Мы с родителями переезжаем. Я не могу остаться одна в этом городе, мне приходится уезжать с ними, я... Я бы осталась, наверное, но меня ведь ничего не держит здесь, и...

Несудьба

И мне отчаянно хочется крикнуть ей, что держит. Что я держу, что ради меня можно остаться.

Но разве я имею на это право?

Ей все еще семнадцать. Просить ее не уезжать только потому, что у меня есть к ней чувства, — эгоизм. Я влюблен по уши, но я не могу знать, как сложатся наши отношения, если при каких-то странных обстоятельствах они все-таки начнутся. Отрывать ее от родителей и уговаривать жить одной или со мной сейчас — верх цинизма.

Именно поэтому я выдавливаю улыбку, хотя уверен, что она ни капли не выглядит искренней, и негромко желаю ей счастья в новом городе. А потом прошу не забывать команду, которая к ней так привыкла, и ухожу.

Вижу на ее глазах слезы, а у самого от этого сердце в клочья. Но я не могу иначе!

Не могу я умолять ее остаться, при этом ничего не давая взамен.

Получается, не судьба?

Глава 2

Алена

Получается, не судьба...

Мама говорит, что в семнадцать все влюбляются и думают, что это последний раз в жизни и что никогда больше таких чувств ни к кому не возникнет. Я не думаю так, конечно. Но я правда влюбилась, кажется...

Сереза мне с первого дня практики в их команде понравился. Он не такой, как все. Достаточно скромный, не наглый по сравнению с другими. А еще он всегда мне улыбался так искренне и открыто, что на губах цвела ответная улыбка, которую я не могла спрятать.

Парни из команды постоянно говорили, что Сереза в меня влюблен. Смеялись, что у него при виде меня слюни капаят, особенно Савельев, он у них старший, вроде детей тренирует. Он никогда в выражениях не стеснялся и даже при самом Серезе не забывал упомянуть свои догадки.

Мне все говорили это. Парни из команды, Юрий Владимирович, командный врач, который и помогал мне с практикой. А еще Оля, новый тренер команды по физической подготовке.

Только один Сереза все время молчал...

Он ни разу не сказал, что я ему нравлюсь. Смотрел постоянно, улыбался так, словно симпатия и правда есть, но молчал все время! Мужчины обычно ведь не скрывают такое, да? Или только наглые могут с порога заявлять о своих чувствах и намерениях?

Я до последнего ждала, что он признается мне. Потому что если бы сказал, что я ему нравлюсь, то я бы сразу ответила взаимностью. Потому что он мне — очень. Но сделать первый шаг так страшно! А вдруг отверг бы? Выставил душой? Сказал бы, что я все себе надумала...

Но Сережа молчал. Первый месяц, второй, третий... Я глупо верила в то, что он признается, когда я скажу, что мне придется уехать. Думала, скажет, что я ему нравлюсь, испугается потерять, попросит остаться.

И я бы осталась. Несмотря на то, что мне всего семнадцать и что родители были бы против. В этом городе у нас квартира, которую мы не стали продавать, я бы уговорила их оставить меня жить в ней, я уверена! Я работаю и сама обеспечиваю себя, помогаю ставить капельницы и уколы на дому, подрабатываю в больнице, получаю за практику в команде. Я бы справилась. Уговорила бы родителей и справилась, мы могли бы придумать что-то... Если бы он только намекнул. Если бы только сказал, что ему это нужно.

Но Сережа молчал. А я уже неделю ругалась с родителями и просила не забирать меня в новый город. И когда Сережа ничего не ответил мне, я сразу написала маме, что вечером буду собирать вещи.

И вот я стою на вокзале, в руках чемодан, а в сердце колючая боль.

Рядом мама с таким же чемоданом, а папа поехал на машине со всеми остальными вещами. Тут ехать-то... Часа четыре всего, соседний город. Но он крупнее нашего, там перспектив больше, а еще можно перевестись в более крутой вуз. Этим и был аргументирован наш переезд: чтобы я выучилась, получила достойное образование. Как будто я не знаю, что уезжаем мы из-за работы родителей, а не из-за волнения о моем обучении.

Сжимаю ручку чемодана и смотрю по сторонам, так глупо, наверное, надеясь, что Сережа залетит сейчас на вокзал и, как в фильмах, бросится ко мне с поцелуями и просьбами никуда не уезжать. Правда жду, высматриваю его в каждом прохожем, перестаю дышать на каждом хоть немного похожем внешне мужчине. Так глупо надеюсь на то, что и вправду ему нравлюсь и все разговоры были не просто так.

Но надежды так и остаются неисполненными.

Сережа не приходит, не обнимает меня, не просит остаться. Он... даже не звонит.

Проходит десять минут, наш поезд подъезжает к платформе, я еще раз в надежде осматриваю перрон, но, никого там не найдя, захожу в вагон, навсегда прощаясь с этим городом и оставляя в нем крошечную частичку своего сердца.

Видимо, все-таки не судьба.

— Не куксись, Аленка, найдется еще твой рыцарь, который никуда не отпустит, — говорит мама, когда мы наконец-то размещаемся в вагоне. Она все знает о моей влюбленности в Сережу и обо всех глупых ожиданиях в отношении него. — А если отпустил, значит, не принц. Ну или не твой.

Мама правду говорит. Да и сама я тоже все понимаю. Но боль в груди от этого не меньше...

Папа злится. Мама рассказала ему о том, что я влюблена в парня, и, судя по всему, безответно. У нас вообще нет секретов друг от друга в семье, все построено на доверии и без сокрытия тайн. Но именно это я не хотела рассказывать папе. Потому что ко всем моим ухажерам, влюбленностям и даже воздыханиям по кому-то он относится очень резко. Единственная дочь, его принцесса, он не представляет, как это: делить меня еще с каким-то мужчиной.

— Я в порядке, мам. Просто буду скучать по городу, мне здесь нравилось.

Мне правда нравилось. Уютно, всегда чисто, все друг друга знают. Да и работала я в самом популярном месте города. Наш ледовый дворец во главе с хоккейной командой «Феникс» буквально главная достопримечательность. Половина города приходит поболеть за команду, вторая половина — полюбоваться ею.

— В новом городе будет еще лучше. Пойдешь учиться в новый вуз. Если папу инфаркт не хватит от информации, то можешь даже пожить в общажитии, если мы тебе надоели. А хочешь — иди в местную команду работать, раз тебе так нравится. Не грусти, дочь, — говорит мама, накрывая мою руку своей ладонью. Она всегда меня так успокаивает, и каждый раз это каким-то чудом работает. — У тебя еще вся жизнь впереди, столько всего! Через пару месяцев ты даже не вспомнишь, что кто-то там не сумел признаться, что влюбился. А он будет локти кусать, когда тебе будет уже все равно.